

Научная статья

УДК 821.161. 1

DOI: 0.18384/2949-5008-2025-5-8-17

«КУПРИН – НАСТОЯЩИЙ ХУДОЖНИК, ГРОМАДНЫЙ ТАЛАНТ» (Л. Н. ТОЛСТОЙ): К 155-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА КУПРИНА

Белукова В. Б.

АНОВО «Московский международный университет», Москва, Российская Федерация

e-mail: zaglobav@mail.ru

Поступила в редакцию 02.09.2025

Принята к публикации 15.09.2025

Аннотация

Цель. Изучить оценку прозы А. И. Куприна как современниками, так и последующими исследователями, а также влияния его творчества в аспекте художественной онтологии писателя, раскрывая бытийную сущность его символики, что позволяет глубже осознать значение высказываний творческих личностей о нём как о своём брате по перу. В статье оценивается разнообразность ракурсов воспоминаний о деятельности А. И. Куприна, исследуется уникальность и культурно-историческая ценность его наследия.

Процедура и методы. Автором предложен анализ, посвящённый творчеству А. И. Куприна. Подход к раскрытию проблемы зиждется на оценке читателей Куприна разных эпох и времён – от Л. Н. Толстого и А. П. Чехова до Павла Басинского и Виктории Миленко, что позволяет судить об очевидной схожести взглядов авторов на литературно-художественный процесс в целом и на наследие А. И. Куприна в частности.

Результаты. В ходе работы были выявлены различные точки зрения критического подхода к наследию А. И. Куприна и сделан вывод о необходимости овладения основами мастерства критика на используемом материале.

Теоретическая и/или практическая значимость. Автору удалось предложить новый подход к оценке творчества А. И. Куприна в критическом потенциале писателей-критиков.

Ключевые слова: история отечественной литературы, одоративная лексика, писатели-критики, писательское мастерство и ремесло, художественные особенности

Для цитирования:

Белукова В. Б. «Куприн – настоящий художник, громадный талант» (Л. Н. Толстой): к 155-летию со дня рождения Александра Ивановича Куприна // Отечественная филология. 2025. № 5. С. 8–17. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-8-17>.

Original research article

“KUPRIN IS A TRUE ARTIST, A GREAT TALENT” (L. N. TOLSTOY): ON THE 155TH ANNIVERSARY OF ALEXANDER KUPRIN’S BIRTH

V. Belukova

Moscow International University, Moscow, Russian Federation

e-mail: zaglobav@mail.ru

Received by the editorial office 02.09.2025

Accepted for publication 15.09.2025

Abstract

Aim. To examine both the assessment of A. I. Kuprin's prose given by contemporaries and subsequent scholars and the influence of his work on the writer's artistic ontology, revealing the existential essence of his symbolism, thereby allowing for a deeper understanding of the significance of creative individuals' statements about him as a fellow writer. Diversity of recollections of A. I. Kuprin's work is evaluated, and uniqueness, cultural and historical value of his legacy are examined.

Methodology. The author offers an analysis dedicated to the work of A. I. Kuprin. To solve the problem, assessments of Kuprin's readers from different eras and periods – from Leo Tolstoy and A. P. Chekhov to Pavel Basinsky and Victoria Milenko – are made; this makes it possible to clarify similarity in the authors' views on the literary and artistic process and on A. I. Kuprin's legacy.

Results. During the work, various points of view of the critical approach to the legacy of A. I. Kuprin were identified, and a conclusion was drawn about the need to master the basics of critical skill using the material used.

Research implications. The author has proposed a new approach to evaluate A. I. Kuprin work within the critical perspective of writer-critics.

Keywords: history of Russian literature, odorant vocabulary, writer-critics, writing skills and craft, artistic features

For citation:

Belukova, V. B. (2025). "Kuprin is a True Artist, a Great Talent" (L. N. Tolstoy): On the 155th Anniversary of Alexander Kuprin's Birth. In: *Russian Studies in Philology*, 2025, no. 5, pp. 8–17. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-8-17>.

Введение

Слова «его сочинения – живая летопись той эпохи» [1, с. 645], сказанные критиком Белинским о Д. И. Фонвизине, как нельзя лучше подходят к наследию крупнейшего и интереснейшего русского писателя Александра Ивановича Куприна (1870–1938), чей 155 летний юбилей отмечается в этом году. Жизнь его была похожа на приключенческий, даже авантюрный роман: Корней Чуковский отметил, что Куприн обладал «необыкновенным умением сближаться ради своих писательских надобностей с людьми всевозможных профессий: с шахтёрами, банщиками, мастеровыми, шулерами, карманниками, фальшивомонетчиками, взломщиками несгораемых касс, укротителями тигров и львов»¹, добавим тюремщиков и ещё пару десятков людей подобного рода профессий. К перечисленным индивидуумам добавлялись актрисы и цирковые, музыканты и художники, укротители зверей и чиновники,

дамы нестрогих правил и высокородные титулованные особы, впоследствии прибавились персонажи эмиграции – все те, которые в совокупности образовывали «поток жизни» (Паустовский). Из-под пера писателя выходила полная картина, полноценное повествование о российской, а потом и зарубежной жизни. По справедливому высказыванию Саши Чёрного, знавшего Куприна и по России, и по эмиграции, «Александр Иванович Куприн – одно из самых близких и дорогих нам имён в современной литературе. Меняются литературные течения, ветшают формы; исканий и теорий неизмеримо больше, чем достижений, – но простота, глубина и ясность, которыми дышат все художественные страницы Куприна, давно поставили его за пределы капризной моды и давно отвели ему прочное, излюбленное место в сознании не нуждающихся в проводниках читателей» [2, с. 379].

Жизнь Куприна складывалась так, как у большинства людей, – он прошёл все её этапы: детство, отрочество, юность, зрелость, старость, и каждое время наложило

¹ Чёрный Саша. Тридцать пять лет // Чёрный Саша. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. М.: Эллис-Лак, 1996. С. 378.

на него свой отпечаток, который и вёлся в его душу и сердце, в его писательский ум, питая его мастерство. Он рос сиротой (отец умер, когда Куприну не было и двух лет), «раннее его детство прошло в скучнейшем Наровчате, в обстановке мещанской и скудной, но Куприн никогда не проклинал этот город. Наоборот, он любил его, как любят, должно быть, заброшенного и некрасивого ребёнка, и, будучи уже писателем, навещал его. Каким бы он ни был, этот безвестный Наровчат, но всё же это была родина, своя земля. Она первая открыла ему свою нехитрую прелесть».¹ До семи лет их с матерью жизнь проходила в московском казённом Вдовьем доме, далее были такие же казённые «университеты»: Кадетский корпус и Императорское Александровское юнкерское училище, после них – нелюбимая армейская служба, с которой он распрощался в 1894 г.

В армии ему было очень неуютно, но там было всё достаточно просто: армейская жизнь размеренна, все живут по уставу, всё распределено и определено, из ряда вон выходящего там немного. Свободная же жизнь предоставляет человеку выбор, каким путём идти и чем в жизни заниматься.

Выйдя в 24 года в отставку, он поселился в Киеве, где занялся поначалу журналистикой: был репортёром, писал ежедневно не только в киевскую прессу и близлежащие южные газеты – одесские, ростовские, но и даже в газеты Поволжья. Фельетоны, театральные рецензии, рассказы, стихи, статьи, очерки, судебная хроника – размах и разброс жанров был необычайно широк, как и род занятий, которыми ему приходилось заниматься: грузчик арбузов, землемер-таксатор, актёр, певец, управляющий имением, кузнец, столяр, псаломщик; он был учителем в училище слепых и сам учился на зубного протезиста, был вором, санитаром в морге и конокрадом, он разводил «махорку-сере-

брянку» и даже пытался стать монахом! И всё это для того, чтобы «видеть всё, знать всё, уметь всё и писать обо всём» [цит. по: 3, с. 121], как сформулировал он в лекции «О репортёрах и газете» в Первой школе журнализма в Петрограде 14 апреля 1918 г.: «Ведь нет ни одного ничтожного явления, которое не оставило бы во мне неизгладимого следа, – написал он в рассказе «Вечерний гость» (1904), – Каждая прожитая мною минута кладёт вечную, но неизвестную мне печать на мой характер, на мою любовь или отвращение к жизни, на ум, на здоровье, на память и воображение, на всю мою грядущую жизнь, а может быть, даже на жизнь моих детей и внуков».² Как это перекликается с началом творческой жизни М. Горького, который писал: «среди грузчиков, босяков, жуликов я чувствовал себя куском железа, сунутым в раскалённые угли, – каждый день насыщал меня множеством острых, жгучих впечатлений ... тянуло меня к этим людям, вызывая желание погрузиться в их едкую среду».³ При всём многообразии купринских тем и мотивов центральными мы выделяем армейскую тему и тему любви.

Армейская тема

«Что же такое всё это хитро сложенное здание военного ремесла? Ничто. ... Что же такое тогда война с её неизбежными смертями и всё военное искусство, изучающее лучшие способы убивать? Мировая ошибка? Ослепление?»

(А. И. Куприн. *Поединок*)

Воспоминания об армии не отпускали его всю жизнь, начиная с первых рассказов «Дознание» (1894), «Прапорщик армейский» (1897), «Ночная смена» (1899), «Ночлег» (1895) «В походе» (1901), «В казарме» (1903), «Штабс-капитан Рыбников» (1905), «Бред (1907)» и другие и заканчи-

¹ Паустовский К. Г. Поток жизни (Заметки о прозе Куприна) // Паустовский К. Г. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 9.

² Куприн А. И. Вечерний гость // Куприн А. И. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1971. С. 294.

³ Горький А. М. Мои университеты // Горький А. М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 13. М.: ГИХЛ, 1949. С. 538.

вая повестью «Юнкера» (1933), которая вместе с повестями «Кадеты» (1900) и «Поединок» (1905) образуют своеобразную трилогию, где давались не только картины тогдашнего армейского быта, но и глубокие психологические портреты персонажей.

Как известно, Куприн прослужил в полку всего четыре года, но, как напишет Паустовский, «этого времени ему вполне хватило, чтобы досконально изучить армейскую жизнь и написать через несколько лет одно из самых замечательных и беспощадных произведений русской литературы – повесть “Поединок”» (1906). «Появление этой книги, – продолжает Паустовский, – было тяжелейшей пощёчиной политическому строю царской России. Успех “Поединка” был поистине неслыханным и небывалым. ... я помню и то грозное время и то впечатление, какое произвела новая книга Куприна. Все искали причин маньчжурского поражения. Куприн в “Поединке” сказал своё слово об этих причинах с такой неопровержимостью, что даже сторонники царского строя были растеряны. Нельзя было спорить с очевидностью. А этой очевидностью был “Поединок” – повесть и вместе с тем документ о тупой и сгнившей до сердцевины офицерской касте, об армии, державшейся только на страхе и унижении солдат, об армии, как бы нарочно созданной для неизбежного и постыдного разгрома в первых же боях. Волна гнева прокатилась по стране. ... лучшая часть офицерства приветствовала Куприна и посылала ему благодарственные телеграммы».¹ Отмечая, что повесть Куприна «Поединок» имела огромный успех, критик Святополк-Мирский в то же время указывает, что это «вовсе не революционное произведение»: «в повести скорее отражается точка зрения типичного “чеховского интеллигента”» [4, с. 592].

¹ Паустовский К. Г. Поток жизни (Заметки о прозе Куприна) // Паустовский К. Г. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 13–14.

Куприн рано почувствовал тягу к литературе, и творческий писательский дебют произошёл в 1889 году, когда в «Русском сатирическом листке» от 3 декабря был опубликован его первый рассказ «Последний дебют» с весьма незатейливым, но очень эмоциональным сюжетом: актриса прямо на сцене выпивает яд после монолога, обращённого к бросившему её любовнику, «высокому статному мужчине», на лице которого была «печать какой-то гордой самоуверенной силы» и «особенно хороши были его большие, серые, холодные глаза, тяжёлый взгляд которых не могли выдержать многие, даже очень решительные люди».² После тяжкого объяснения, когда она осознала, что нелюбима, актриса на сцене «каким-то надорванным голосом рассказывала историю своей несчастной, погибшей любви, роптала на небо и просила у него смерти, молилась за человека, разбившего её жизнь, и призывала на его голову проклятия. Она ничего не видала, кроме мощной фигуры, неподвижно стоявшей посреди сцены, и сама не знала, какое чувство будила в ней эта фигура: прежнюю ли беззаветную любовь, или глубокую ненависть и презрение...»³; «тяжёлые мысли, как кошмар, проносились и путались в её голове, а вместе с ними создавалось и зрелось какое-то ужасное решение»⁴: она выпила яд, «побледнела, зашаталась и со страшным, раздирающим душу криком упала на пол. При гробовом молчании медленно опустился занавес, и через мгновение «театр задрожал от бури аплодисментов. Раздавались неистовые крики, вызывающие актрису, на сцену посыпались цветы и венки... Но бледный человек у рампы сквозь слёзы произнёс: «Господа, Гольской не стало...»⁵

За этот рассказ Куприн несколько дней пробыл на гауптвахте.

Но так обозначилась главная тема писателя – тема любви.

² Куприн А. И. Последний дебют // Куприн А. И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1957. С. 536.

³ Там же. С. 540.

⁴ Там же. С. 539.

⁵ Там же. С. 542.

Тема любви

«Любовь одна дороже богатства, славы и мудрости, дороже самой жизни, потому что даже жизнью она не дорожит и не боится смерти».

(А. И. Куприн. *Суламифь*)

Известно письмо Куприна к, согласно Чуковскому, «его лучшему и вернейшему другу»¹ – филологу, историку литературы, профессору Санкт-Петербургского университета, специалисту по романогерманским языкам – Ф. Д. Батюшкову, в котором есть такая фраза: «Не в силе, не в ловкости, не в уме, не в таланте, не в творчестве выражается индивидуальность. Но в любви!»²

И о чём бы ни писал Куприн, какие бы проблемы он ни поднимал, на первом месте всегда была тема любви – трагическая как, например, в рассказах «Последний дебют» (1889), или «Allez!» (1897), печальная, как в повести «Олеся» (1899), уродливая, страстная, чувственная, как в рассказах «Наталья Давыдовна» (1896) или «Погибшая сила» (1900), бесхитростная и романтическая, как в рассказе «Святая любовь» (1895), в котором герой рассказа, наивный чистый юноша, попавший под чары опытной жрицы любви, к тому же, похоже, содержавшей сутенёра, случайно узнал правду о ней, но через много лет, рассказывая эту историю, заключил: «Они ушли. Я сидел, окаменев от стыда, отчаяния и какой-то безумной тоски. Ни мысли, ни какого-нибудь определённого ощущения у меня в эти ужасные мгновения не было. Точно я погружался в какой-то страшный безымянный хаос... Но никогда потом в жизни не испытывал я ни таких чистых радостей, ни таких терзаний, как в эту весну, ставшую на грани моей розовой юности и богатой горьким опытом зрелости».³

¹ Чуковский К. Г. Куприн // Чуковский К. Г. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1966. С. 204.

² Цит. по: Этов В. И. Теплота ко всему живущему (уроки Куприна) (вступительная статья) // Куприн А. И. Гранатовый браслет (сборник). М.: Детская литература, 1988. С. 6.

³ Куприн А. И. Святая любовь // Куприн А. И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1958. С. 542.

Несомненно, что главными произведениями о любви можно по праву считать повесть «Олеся» (1898), рассказы «Суламифь» (1908) и «Гранатовый браслет» (1911), в которых громко звучит «трагический лейтмотив: неразделённая, какая-то экзальтированная и возвышенная любовь к недоступной женщине».⁴

Куприн как художник рисует мир социально несовершенным, но в то же время он показывает, что в этом мире существует человеческая душа, в которой происходят всевозможные духовные процессы, которая, реагируя на несовершенство мира, ищет пути к гармонии, к совершенству. И один из главных путей – путь любви.

В «Олесе» автор показывает столкновение двух культур, двух образов жизни, двух мировоззрений и мировосприятий: с одной стороны, хороший, честный, но безвольный и примитивный *городской* Иван Митрофанович, с другой – *лесная* девушка, *дитя природы* Олеся, ставшая символом духовной чистоты в русской литературе. С одной стороны, злоба, зависть и невежество *городских*, с другой – благородство, великодушие, искренность и чуткость необразованной героини. Повесть «Суламифь», посвящённая другу-сопернику И. А. Бунину, отсылает нас к библейским временам. Написанная по мотивам ветхозаветных притч, она, по словам автора, жанра определённого поначалу не имела: «пишу не то историческую поэму, не то легенду ... о любви Соломона и Суламифи. ... Что выйдет – не видно, но задумано много яркой страсти...»⁵ Дочь Куприна Ксения писала: «Вскоре отец начинает собирать материалы для повести “Суламифь” – на сюжет библейской легенды о любви царя Соломона к простой девушке. Мама часто мне говорила, что Александр Иванович писал свою повесть под впечатлением своей любви к ней. Батюшков, которого отец, увлечённый своей работой над повестью, просит

⁴ Седых А. Куприн // Седых А. Далёкие, близкие. 3-е изд. Нью-Йорк: Новое русское слово, 1979. С. 15.

⁵ Куприн А. И. Суламифь // Куприн А. И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1958. С. 410.

присылать ему разные материалы, тоже подтверждает это: «Сельский священник принёс старинную Библию. Куприн стал ею зачитываться. Тут подошёл и субъективный мотив: он недавно перед тем развёхался с первой женой и собирался вновь вступить в брак. И если раньше, после первой женитьбы, он любил себя ставить в положение Пушкина, перед которым он как-то особенно благоговел (Пушкин и Толстой – его литературные кумиры), то теперь его страстно захватил облик царя Соломона. Ему всё нужно было о нём узнать: и историю, и легенды, все апокрифы о Соломоне, исследования в этой области, бывшие в ту пору религиозные культуры и т. д. Словом, в течение нескольких месяцев он только и бредил Соломоном и Суламифью. Пересказать по-своему “Песнь песней” и придать реальный смысл тому, что толкуется иносказательно, стало у него душевной потребностью. Образы неотвязчивые стояли в его воображении».¹

Отметим, что исследователи насчитывают в греческом языке от 7 до 27 определений любви, но в широком употреблении остаётся 8 определений, что тоже немало: *eros* (чувственная любовь), *stergo* (любовь, привязанность, родство не только детей и родителей, но и любовь народа к своему правителю, любовь к родине, также любовь раба к своему господину), *phileo* (любовь друзей и товарищей, которых многое объединяет, поэтому они уважают и ценят друг друга), *agape* (любовь к богу), *manía* (любовь-одержимость, разрушительный вид любви, который приносит вред и самому влюблённому, и его возлюбленному), *ludus* (любовь, полная игр); *pragma* (практическая любовь), *kaşoúra* (безответная любовь).

И для актрисы Лидии Гольской («Последний дебют»), и для Олеси («Олеса»), и для Норы («Allez!»), и для княгини Веры Шеиной («Гранатовый браслет»), и для Суламифи («Суламифь»), и даже для Шурочки («Поединок»), и тем

более для каждой несчастной из повести «Яма» Куприн находит свою неповторимую интонацию в передаче их сложного внутреннего мира, потому что в основе каждой любви, какой бы она ни была трагической, лежит прекрасное незамутнённое чувство. Каждый, кто любил, понимает правдивость слов, данных автором в эпиграфе: «Положи мя, яко печать, на сердце твоём, яко печать, на мышце твоей: зане крепка, яко смерть, любовь, жестока, яко смерть, ревность: стрелы её – стрелы огненные. *Песнь Песней*».² История любви великого царя Соломона, который, будучи пресыщенным всеми благами земной жизни, первым понял, что «во многой мудрости много печали, и кто умножает познание – умножает скорбь», который узнал, что «и при смехе иногда болит сердце и концом радости бывает печаль», который проникся словами Екклесиаста «всё суета сует и томление духа», «тогда не знал ещё царь, что скоро пошлёт ему бог такую нежную и пламенную, преданную и прекрасную любовь, которая одна дороже богатства, славы и мудрости, которая дороже самой жизни, потому что даже жизнью она не дорожит и не боится смерти».³

Любовь, по Куприну, – это высшая ценность, которой может обладать человек; только истинная любовь не подчиняется никаким социальным либо материальным преградам, любовь – это вершина человеческих отношений, истинная любовь не содержит в себе ни насилия, ни повелевания, она свободна.

Любовь Соломона и Суламифи трагична: царица Астис, «порочная», «жестокая», «сладострастная», «отвергнутая» Соломоном, сначала приказывает влюблённому в неё Элиаву рассказать, чем же взяла царя «девочка из виноградника», и, узнав, что «она – вся любовь, вся нежность и ласка», «кротка и стыдлива», «не возбуждает ни в ком ни злобы, ни ревности, ни зависти», а тот «как раб, лежит около её ног,

¹ Куприна К. А. Куприн – мой отец [Электронный ресурс]. URL: <https://kuprin-lit.ru/kuprin/bio/moj-otec/kuprina-3.htm> (дата обращения: 01.10.2025).

² Куприн А. И. Суламифь // Куприн А. И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1958. С. 195.

³ Там же. С. 202.

и как собака не спускает с неё глаз своих»¹, приказывает ему убить их обоих; награда ему – она сама! Но Элав смог убить только Суламифь, которая бросилась защищать своего возлюбленного от нападающего на него воина с блестящим смертоносным мечом. Нежный к Суламифи Соломон может быть жестоким к её убийцам: убить Элиава он приказывает Ване, которому тот доводится внуком, не принимая от него никаких возражений: «когда Ваня поднял голову и увидел глаза царя, он быстро встал с пола и послушно направился к выходу».² Но ещё более жестоко поступил он с царицей Астис: он не предал её смерти, он изгнал в её Египет, «пусть она живёт, как хочет, и умирает, где хочет. Но никогда она не увидит более моего лица».³

Развитие этого мотива мы увидим позднее, например, в рыцарском романе Лиона Фейхвангера, в «Испанской балладе» («Еврейка из Толедо», 1954): когда Ленор, жена короля Альфонсо, призналась, что это она велела убить Ракель, он отослал её от себя; Ленор не этого хотела, думая, что, устранив соперницу, вернёт мужа, но решение короля было непреклонным: она никогда не взойдёт на его ложе, он не хотел её любви; любовь злодейки, убийцы была ему ненавистна. И с ужасом Ленор поняла, что не *божьей милостью* она королева, но *божьим гневом*. Для Альфонсо Ракель жива, видеть свою жену, убийцу, он не хочет, и Ленор поняла, что проиграла, потому что обречена влачить бесплодную, одинокую жизнь. Человек смертен, его можно убить, но нельзя убить любовь, если она возникает в душе и сердце человека. Жизнь хрупка, но любовь вечна. И королева Ленор, и царица Астис избавились, как им казалось, от соперниц, но это всё оказалось призрачным: они обе навсегда потеряли тех, кого тоже любили и кто не простил им убийство своих возлюбленных.

Почитая трёх гигантов русской литературы – Пушкина, Льва Толстого, Чехова,

Куприн, как и они, искал смысл жизни, мудрость жизни. Как и они, Куприн считал чувство любви наиглавнейшим в духовной жизни человека. Он высказал своё жизненное кредо достаточно лаконично: «Единственная *форма власти*, допустимая для человека, – это власть творческого гения, добровольно принятая, сладкая, волшебная власть».⁴

Критик Святополк-Мирский отмечал, что хотя Куприн писал много, «ему не удалось единственного и незабываемого шедевра, в котором он бы выразился весь» [4, с. 592]. В то же время он высоко оценивает рассказ «Гранатовый браслет» (1911), который есть, по его мнению, «романтическая и мелодраматическая история любви бедного чиновника к светской даме. По чистоте повествовательного построения это один из лучших рассказов своего времени» [4, с. 593]. Поскольку Святополк-Мирский («красный князь») был приверженцем русской классической школы и труд его представляет собой охват «Истории русской литературы с древнейших времён по 1925 год», то, наверное, ему был близок представитель реализма в век модернизма. Оценивая художественную школу «Знание», основанную Горьким, Святополк-Мирский указывает, что «все выдающиеся молодые прозаики присоединились к группе Горького и стали печататься», но только «трое стали оригинальными писателями: Куприн, Бунин и Андреев» [4, с. 589]. И если, считая одним из лучших рассказов Куприна «Штабс-капитан Рыбников» (1906), он указывает в нём на некоторую деталь, «несущую клеймо “горьковской” школы», то «Гранатовый браслет» – «свободный от горькизмов»! [4, с. 593].

Кстати, в самом начале статьи Святополк-Мирский уточняет: «Александр Иванович Куприн» (произношение Куприн неправильное. – В. Б.) [4, с. 591]. В то же время в воспоминаниях И. А. Бунина обращено внимание, что «его

¹ Там же. С. 240.

² Куприн А. И. Суламифь // Куприн А. И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1958. С. 246.

³ Там же. С. 246.

⁴ Куприн А. И. О том, как я видел Толстого на пароходе «Св. Николай» // Куприн А. И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М.: ГИХЛ, 1982. С. 446.

имя, которое все тогда произносили с ударением на первом слоге, и этим ударением, как я видел это впоследствии, почему-то так оскорбляли его, что он, как всегда в минуты гнева, по-звериному щурил глаза, и без того небольшие, и вдруг запальчиво бормотал своей обычной армейской скороговоркой, ударяя на последний слог: «Я – Куприн и всякого прошу это помнить. На ежа садиться без штанов не советую».¹

Заключение

«Сущность художественного произведения – в одушевляющей его идее страсти, а не в его качественных признаках, которые все подчинены той идее».

(М. О. Гершензон) [5, с. 10]

В статье о Петrarке Гершензон прозорливо отметил, что творческие люди весьма «противоречивые натуры» и поэтому «увлекательно наблюдать богатство их внутренней жизни, ... их душевные муки – залог восхождения по крутым ступеням».²

Бесспорная мысль Гершензона раскрывается во всей полноте, когда обращаешься к очерку К. И. Чуковского «Куприн», воспоминаниям Тэффи, Саши Чёрного, И. А. Бунина или к воспоминаниям других купринских современников, к его личности и его творчеству. Например, глаз Чуковского – острый, знания – огромные, вкус – безупречный, память – отличная, поэтому как живого через полтора века видишь замечательного русского писателя Куприна.

По всему очерку рассыпаны детали, делающие писателя ближе, но и возбуждающие глубокое сочувствие: с одной стороны, он великолепный ходок, он очень компанейский человек, всегда окружён людьми, он любил всевозможные розыгрыши близких людей, т. к. никогда не покидала его «в те времена мальчишеская озорная любовь

к проделкам и дурачествам всякого рода», у которого «необыкновенно живые глаза».³ С другой – налицо последствия тяжкой болезни, когда его видели «отяжелевшим, с остекленелым лицом», весь «оцепенелый, скованный».⁴ Чуковский отмечал, что его интересовало всё: и подробности жизни петербургских цыган, когда он разговаривал с прославленным лётчиком Уточкиным, то «можно было подумать, что Куприн – профессиональный спортсмен, а Уточкин – профессиональный писатель»⁵, его жажда всё знать и всё уметь доходила до абсурда: он даже захотел испытать, как чувствует себя профессиональный вор-грабитель!

«У него у самого было обоняние звериное... По части запахов у Куприна был единственный соперник – Иван Алексеевич Бунин, и когда они сходились вдвоём, между ними начиналось состязание – азартная весёлая игра: кто определит более точно, чем пахнет католический костёл во время пасхальной заутрени, чем пахнет цирковая арена, и т. д. и т. д. и т. д. ...»⁶

Бунин очень прозорливо, но с несомненной грустью определил, что Куприн «мотал ... своё здоровье, свои силы и способности с расточительностью невероятной, жил где попало и как попало с бесшабашностью человека, которому всё трын-трава...»⁷

В дореволюционное время Куприн «производил впечатление человека даже чрезмерно здорового: шея у него была бычья, грудь и спина – как у грузчика; коренастый, широкоплечий, он легко поднимал за переднюю ножку очень тяжёлое старинное кресло».¹ И тем разительнее его портрет в эмиграции, нарисованный И. А. Буниным:

³ Чёрный Саша. Тридцать пять лет // Чёрный Саша. Собрания сочинений: в 5 т. Т. 3. М.: Эллис Лак, 1996. С. 378.

⁴ Чуковский К. Г. Куприн // Чуковский К. Г. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1966. С. 194.

⁵ Там же. С. 188.

⁶ Там же. С. 190.

⁷ Бунин И. А. Воспоминания // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1988. С. 252.

¹ Бунин И. А. Воспоминания // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1988. С. 252.

² Гершензон М. О. Видение поэта. Петrarка [Электронный ресурс]. URL: <https://svr-lit.ru/svr-lit/articles/italy/gershenzon-videnie-poeta.htm> (дата обращения: 16.03.2025).

«я как-то встретил его на улице и внутренне ахнул: и следа не осталось от прежнего Куприна! Он шёл мелкими, жалкими шажками, плёлся такой худенький, слабенький, что, казалось, первый порыв ветра сдует его с ног, не сразу узнал меня, потом обнял с такой трогательной нежностью, с такой грустной кротостью, что у меня слёзы навернулись на глаза».² Таким же его увидел и Чуковский: «В 1937 году Куприн возвратился на родину такой измождённый и хилый, что его невозможно было узнать, словно его подменили. В этом немощном подслеповатом человеке с такой тоненькой шеей, с таким растерянным изжелта-бледным лицом не осталось ни единой черты от того Куприна, который запечатлён в его книгах ... здоровый, мускулистый, полнокровный талант, пышущий нутряными, могучими силами».³

В эмиграции, которая продлилась с осени 1919 по весну 1937 года, в которой скрылся «от дождя огненного,

жизнь свою спасая»⁴, Куприн написал немало: самым значимым были «Купол св. Исаакия Далматского» (1928), три романа «оригинальных по творческому поиску» [2, с. 258] – «Колесо времени» (1929), «Юнкера» (1933), «Жанета: Принцесса четырёх улиц» (1934), рассказы.

Какой горечью наполнены слова Саши Чёрного о жизни в эмиграции: «Все мы переживаем теперь четвёртую жизнь. Первая протекала когда-то в России широко и беспечно, вторая тревожная и глухая – пришла с первых дней войны, третья – жалкое подобие жизни, которое мы владели при большевиках, четвёртая – эмигрантские серые дни... Пожелаем же в этой четвёртой нашей жизни, мы все, случайно уцелевшие от потопа, живущему среди нас родному и близкому нам писателю – дотерпеть, домаяться до пятой жизни – у себя на раскрепощённой родине...»⁵

Не случилось...

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В. Г. Взгляд на литературу 1846 года // Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3 / под общ. ред. Ф. М. Головенченко. М.: ОГИЗ: ГИХЛ, 1948. С. 641–684.
2. Смирнова Л. А. Куприн // Смирнова Л. А. Прозаики серебряного века. М.: Московский государственный областной университет, 2014. С. 253–306.
3. Берков П. Н. Александр Иванович Куприн: критико-биографический очерк. М.; Л.: Академия наук СССР, 1956. 209 с.
4. Святополк-Мирский Д. П. Куприн // История русской литературы с древнейших времён по 1925 год. Новосибирск: Свинин и сыновья, 2006. С. 691–593.
5. Гершензон М. О. Видение поэта. Петроград: б. и., 1919. 80 с.

REFERENCES

1. Belinsky, V. G. (1948). The View at the Literature of 1846. In: Belinsky, V. G. *Collected Works. Vol. 3*. Moscow: OGIZ publ., GIKH publ., pp. 641–684 (in Russ.).
2. Smirnova, L. A. (2014). Kuprin. In: Smirnova, L. A. *Prose Writers of the Silver Age*. Moscow: Moscow Region State University, pp. 253–306 (in Russ.).
3. Berkov, P. N. (1956). *Alexander Ivanovich Kuprin: Critical and Biographical Essay*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR publ. (in Russ.).

¹ Чуковский К. Г. Куприн // Чуковский К. Г. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1966. С. 180.

² Бунин И. А. Воспоминания // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1988. С. 255.

³ Чуковский К. Г. Куприн // Чуковский К. Г. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1966. С. 211.

⁴ Куприна К. А. Куприн – мой отец [Электронный ресурс]. URL: <https://kuprin-lit.ru/kuprin/bio/moj-otec/kuprina-3.htm> (дата обращения: 01.10.2025).

⁵ Чёрный Саша. Тридцать пять лет // Тридцать пять лет // Чёрный Саша. Собрания сочинений: в 5 т. Т. 3. М.: Эллис Лак, 1996. С. 381.

4. Svyatopolk-Mirsky, D. P. (2006). Kuprin. In: *History of Russian literature from Ancient Times to 1925*. Novosibirsk: Svinin i Sons publ., pp. 691–593 (in Russ.).
5. Gershenzon, M. O. *The Poet's Vision*. Petrograd, 1919 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Белукова Виктория Богдановна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук АНОВО «Московский международный университет»;
e-mail: zaglobav@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8314-0719

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria B. Belukova (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Humanities, Moscow International University;
e-mail: zaglobav@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8314-0719